

С мая 1942 по декабрь 1944 года Клавдия Александровна Милорадова работала под чужими именами в Белоруссии. Дело в том, что в гг. Орша (Балбасово), Сеце были аэродромы, где размещались немецкие бомбардировщики. Они наносили бомбовые удары по позициям наших войск, по городам, в том числе и по Москве. Поэтому сведения о деятельности гитлеровцев в этом районе были очень важны для советского командования. Резидентом советской разведки в Орше был Константин Заслонов. Но в начале 1942 г. он был раскрыт немецкой разведкой и был вынужден перейти на нелегальное положение. С ним ушла часть подполья, а часть осталась. Был поставлен вопрос о замене Константина Заслонова. Выбор пал на Клавдию Милорадову.

...В ночь с 14 на 15 мая 1942 г. группа во главе с Григорием Яковлевичем Сорокой была десантирована в лес неподалеку от города Орша, в треугольник между пунктами Выдрица-Прудок. В эти майские дни она занималась минированием. 23 мая, например, Клава Милорадова с Дмитрием Сережиным пробралась к участку железной дороги, находившемуся в ста метрах от немецких часовых. Бесшумно заминировали дорогу и отошли в кусты. Вскоре полетел под откос поезд. Девять классных вагонов разбились в щепы. Погибло и большинство пассажиров – школа младших офицеров.

Разведка окрестностей, минирование, боевые стычки с мелкими группами фашистов – всё это совершала Клавдия обычно вдвоём, втроём, иногда группой. Но с конца мая у неё началась серьёзная работа в одиночку. К этому её тщательно готовили: она освоила белорусский язык, от местной жительницы выучила молитвы, научилась отличать ритуалы католических костёлов от православных церквей; изучила детально свой маршрут – 22 населенных пункта от деревни Прудок до Орши, всего 85 километров, но каких! На глазах у немцев и их прислужников! Поселилась разведчица в Орше в семье начальника пожарной охраны Пунченко, нелегала-заслоновца.

Связным к ней прикомандировали местного подпольщика Антона Березко, смелого, знавшего всю округу. Клавдия и Антон вели визуальную и агентурную разведку в районах Орши, Шклова, Копыся, Кохановки. В Докудово особо свирепствовал предатель, полицейский Бельчик. Вместе с партизанами Иваном Орловским и Виктором Костюкевичем они взорвали дом карателя. Собирали сведения о времени вылетов самолетов «Юнкерс-88» и «Хенкель» на бомбежку, о передвижении частей вермахта, облавах на партизан. Собрав нужные сведения о военных объектах, Клавдия пошла на Балбасовский военный аэродром, осмотрела его, а затем получила план аэродрома. Его изготовил немецкий майор Фридрих, связанный с партизанами. Полученные сведения тайно передавались майору Спрогису, в отряд Григория Сороки, а оттуда в Центр...

Через месяц Клавдия Милорадова уже работала русским секретарём у военного коменданта Орши – Хорста под именем Анастасии Антиповны Пунченко. Её «муж» – Константин Пунченко – работник льнокомбината, «служил» в полиции, а его

двоюродная сестра, дочь начальника пожарной охраны города, была связной у Клары. В Орше К. Милорадова прожила месяц. Побывала в Несвиже, Кобрине, Бобруйске. Вернувшись из Орши в расположение отряда Вацлавского, узнала печальную весть – в бою под Выдрицей погибла командир женского десантного отряда Лёля Колесова, с которой она была очень дружна.

Разведчики не могут работать без поддержки местных жителей. В Белоруссии каждый четвёртый погиб, остальные, почти все, оказывали активное сопротивление оккупантам. Как говорила Клавдия Александровна: «Белорусы – святой народ»... Активную помощь в передаче важных данных в партизанские отряды оказывали местные жители: сестры Крышталь – связные из партизанской бригады Жунина; Николай и Александра Белановичи – связные партизанской бригады Керпыча... Будучи секретаршей Хорста, в его отсутствие, Клавдия фотографировала документы на его столе. За этим занятием её застал адъютант Хорста. Ей пришлось его ликвидировать, при этом он ранил её в плечо (на плече остался шрам). После этого она в сопровождении Константина Пунченко выбралась из Орши. Немцы охотятся за ней, но её предупреждают о засадах. В одном населённом пункте попала в облаву. Искали её. Она заходит в первую попавшуюся избу. Дома один хозяин-старик. Всё ему рассказала. Оказалось, что его сын служил в полиции, а невестка ушла на несколько дней к своим родителям в другое село. Он тут же принял решение: передел Клавдию в одежду невестки и поставил печь блины. Когда немцы ворвались в избу, Милорадова спокойно пекла блины. Немцы, узнав, что это семья полицейского, ушли, не произведя обыск.

Почти не отдохнув после этого, К. Милорадова уже 6 июля 1942 года идёт «рвать железку». Вместе с Лёшей Руховым они минируют полотно дороги, едва успевают отбежать, как поезд наскакивает на мины. Рвутся снаряды...

В течение месяца Клавдия занималась минированием: наблюдала на дорогах за передвижением поездов и автомашин. Кличевский район, Жабовка, Наборки, Гумны, Князевка – то есть постоянного места не было.

Затем ей предстояла работа в Борисове под Минском, а потом в Бобруйске. Прежний «аусвайс» был заменен на новый на имя Надежды Николаевны Гурнович из Смолевичей. Остановившись на явочных квартирах. Собранные сведения К.А.Милорадова сама доставляла в партизанские отряды. Между Оршей и Бобруйском ходила только пешком, так как боялась, что подорвут свои же.

Однажды Милорадовой необходимо было передать важные сведения в Центр. Радиостанции в Бобруйске не было (лето 1943 г.) Шла она пешком в деревню Перуново. Стояла жара, очень хотелось пить. Подходя к деревне Новое Залитвинье, услышала автоматные очереди. Оказалось – власовцы расстреливали мирных жителей: детей, женщин, стариков. Под плотами (по-белорусски – плетень) – горы трупов (Клавдии

Александровне всегда было тяжело вспоминать об этом). Придя на партизанскую базу в расположение отряда Степана Ивановича Свирида, Клавдия рассказала о страшной трагедии. Ей тут же поручается написать листовку о виденном. Вот текст той листовки:

РОА: Кто может забыть эти жёлтые буквы
Ярых защитников русской земли?
Кровью залиты, завалены трупами
В пламени наших домов они.
За что они борются, что защищают,
Какой для России избрали путь?
От жизни народ наш освобождают,
К гибели, к голоду, к смерти зовут.
Помнишь, товарищ, деревня горела,
Помнишь, как дети кричали?
Это продажные освободители
В пламя детишек бросали!
Помнишь: зловеще трещал пулемёт
Крики и стоны, проклятья вокруг,
Под повалившийся старенький плот
Груды валились детей и старух!
Помнишь кровавое небо ночное,
Тихий уют догорал.
И средь развалин родимого крова
Трупик малютки пылал.
За что ж они борются, что защищают,
Губят невинный народ!
Разве изменники правды не знают?
Час их расплаты придёт!

август 1943 г.

Листовку эту тут же сверстали, отпечатали. Разбрасывали, разносили и расклеивали на всей оккупированной территории Белоруссии...

Вот ещё один эпизод из жизни разведчицы Милорадовой. Как-то в районе действий отряда Антона Керпыча её задержали на партизанской заставе. При обыске у неё обнаружили немецкие документы и наган. Не сомневаясь, что она немецкая шпионка, начальник заставы приказал её расстрелять. К счастью, в самый критический момент появился командир отряда. Имя Артура Спрогиса, произнесенное ею, было для него самым авторитетным паролем. Припомнил он и Клаву, с которой как-то встретился в

отряде у Бориса Вацлавского...

Рассказывая о К.А.Милорадовой, нельзя не сказать о героическом поведении местного населения. Благодаря нему она и другие разведчики выполняли свои задания, встречая беззаветную помощь и самоотверженную поддержку. В свою очередь, подпольные организации очень часто выносили свои наиболее важные конспиративные функции, такие как связь с Центром, передача в Центр важных сведений, в партизанские отряды. Подпольщики, перед которыми возникала угроза провала, выходили из-под удара, укрываясь в партизанских отрядах...

В этом смысле очень показательна семья подпольщиков Белковых. Старшая дочь, Вера Степурко (по мужу), учительница немецкого языка, по заданию партизан работала уборщицей в немецкой столовой. Погибла в борисовском гестапо за 5 дней до прихода наших войск... Это был 1944 год.

Другая дочь, Надежда (ныне живет в Люберцах), включилась в подпольную работу с 14 лет. Попала в гестапо. На допросах никого не выдала. Чудом была освобождена нашими десантниками, скрывавшимися в лесу. Была переправлена в партизанский отряд, стала смелой разведчицей.

Младшему брату Мише было 9 лет, когда он стал связным в партизанском отряде...

Милорадова возвращается из Борисова. Шла туда без пропуска, в её торбе за плечами – батареи для радики, 50 тысяч немецких марок. Если бы схватили – смерть неминуема. В уме она повторяла свое новое имя: Надежда Николаевна Гурнович из Смолевичей, идет за солью.

Города не знает. Помнит только указание: поднявшись в гору по Товарной улице, найти Школьную, пройти её, отсчитать три переулка, выйти на угол Широкой и Миллионной, там дом за зелёным забором, войти во двор, постучать два раза...

От Белковых её отводят к Терещенко, затем её переправляют к Анне Георгиевне Даниловой... Вскоре все связи установлены, можно и уходить, но надо разработать и организовать диверсии. Клавдия связывается со своими людьми на хлебозаводе и электростанции. Когда эти предприятия были выведены из строя, гитлеровцы и не подозревали, что термитные шарики, вызвавшие взрывы, были однажды доставлены на рынок в Борисов в туше кабана, привезённого на продажу крестьянами – партизанами из бригады Дербана.

Только после выполнения всех поручений ушла Клавдия Милорадова из Борисова в лесной лагерь, где располагалась её группа разведчиков, спустившихся когда-то на парашютах в тыл врага. Но её лагерь скоро прекратил своё существование. Немцы плотным кольцом окружили лес, в котором действовали партизанские бригады Изоха, Грицана, Наумовича. Попытка прорваться под Усакином не удалась. Разбившись на более мелкие отряды, идут на Гоноратово, но и тут фашисты окружили. Вот как сама

К.Милорадова вспоминает о тех событиях в своём дневнике: «Прорыв был тяжёлый. Погибли Вера Ромащенко, Саша Банников, Игнатович. Группы разбиты на части. Володя Шаповалов ещё раз ранен. Теперь у него 4 ранения. Тащит его Анечка Анисимова.

Прорыв был страшный. Всё трещало. Молодые ёлочки валились, как скошенные, пули свистели кругом, и ничего нельзя было понять, а мы орём «ура», стреляем и идём вперёд. Ночью идём болотами. Кругом горит лес, трещат пулемёты. Из плащ-палатки сделали носилки, несём Володю Шаповалова...»

Прорыв сменяется новой блокадой немцев; выходя из окружения, партизаны минируют железные дороги, ведут бои. И снова в одиночку идёт Клава в Борисов, потом, опережая наши наступающие войска, — в Бобруйск, Несвиж, в Западную Белоруссию...

В декабре 1944 года Милорадову Клавдию Александровну демобилизовали по состоянию здоровья. Вернулась в Москву, жилья нет. Она пишет письмо Сталину. Через некоторое время её вызывают в Моссовет к управделами Гранаткину, и тот ей показывает резолюцию Сталина на её письме: «Обеспечить жилплощадь в 24 часа и доложить лично мне». Вот так ей была предоставлена комната в самом центре Москвы - на улице Куйбышева (ныне Ильинка).

После войны Клавдия Александровна работала в ТАССе редактором; была в числе первых активистов, работавших в Советском Комитете Ветеранов Войны; занималась активной пропагандистской работой среди молодёжи и школьников - по командировкам ЦК комсомола объездила почти весь Советский Союз, многократно бывала в ГДР. До конца своих дней оставаясь истинным патриотом, коммунистом, продолжала вести патриотическую и просветительскую работу среди населения, студентов и школьников, рассказывая правду о Великой Отечественной войне, отстаивая честное имя своей боевой подруги Зои Космодемьянской; писала воспоминания о погибших друзьях-однополчанах, подпольщиках в очерках, статьях, в своей книге «В разведке», в фильмах, выступлениях на телевидении и радио...